

Живее всех мертвых

Лидия Ланч хищно вспомнила друзей

концерт рок

В клубе «Б-2» выступила Лидия Ланч. Перформансистка, фотограф, дива андерграундных порнофильмов, писательница и просто культовая личность международной бегемотной тусовки приехала в Москву в качестве певицы — с концертной программой *Apunbian Lights*, которой Лидия Ланч отмечает 25-летие творческой деятельности. А заодно и представила недавно вышедшую на русском языке книгу «Парадоксия. Дневник хищницы» — откровенный дневник завзятой вэмп-феминистки. Глубокую женскую солидарность с Лидией Ланч ощутила побывавшая на концерте ИРИНА КУЛИК.

Рыжая челка, нарисованные брови, кровавого цвета ногти и татуировка на лодыжке — в самом болезненном для иглы татуировщика месте. Полупрозрачные черные оборки, колышущиеся вокруг щедрого декольте, юбка, плотно обтягивающая тяжелые бедра, бархатная шляпка с развратными перьями из какого-нибудь парижского борделя начала прошлого века. Стоило только Лидии Ланч появиться на сцене, как клуб «Б-2» превратился в порочный, дымный, чреватый авантюрами бар — то ли Париж 1920-х, то ли Нью-Йорк 1980-х.

Свое выступление Лидия Ланч начала с блистательной кавер-версии The Doors «I'm a spy in the house of love». В том, что из всего наследия самого харизматического рок-н-рольного мацо Лидия Ланч выбрала именно эту вещь, была своя справедливость. Она словно напомнила, что название своей песни Джим Моррисон позаимствовал у женщины — Анаис Нин, автора эротического романа «Шпион в доме любви». Сама Лидия Ланч вряд ли прельстилась бы ролью соглядатая — она предпочитала быть не зрителем, а зрелищем, актрисой и режиссером шоу, в которое она превратила свою жизнь.

Что до той музыки, которую Лидия Ланч исполняет в *Apunbian Lights*, то здесь опять-таки не избежать сравнения с музыкантами-мужчинами. Больше всего ее то вызывающе вкрадчивые, то захлебывающиеся кабарежные блюзы и ернически-экстатические речитативы, разукрашенные бибоповыми саксофонами, скрипящими гитарами и бархатными ударными, напоминали Тома Уэйтса 1980-х. Впрочем, еще неизвестно, что на кого повлиял. В те годы Лидия Ланч была в самом центре альтернативной музыкальной жизни и успела потусоваться со всеми персонажами этого круга — Ником Кейвом, Брайаном Ино, The Swans и Einstürzende Neubauten.

Правда, в отличие от писателей или музыкантов-мужчин, Лидия Ланч была осторожнее

25-летие творчества Лидия Ланч отметила в Москве рекемием по разгульной молодости ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕБЕДЕВА

как в деструктивных музыкальных экспериментах, так и в саморазрушении. В «Дневнике хищницы» она не забывает отметить, что, несмотря на всю экстремальность своего жизненного опыта, она смогла не поддаться на наркотики, не стать алкоголичкой, не заразиться чем-нибудь вроде СПИДа. Лидия Ланч воспекает свои эскапады без показного отвращения к себе, без похмельного нарциссизма.

Напротив, она испытывает подлинное наслаждение от самого пребывания в собственном теле. Это чувствовалось в каждом ее шаге, в каждом жесте, в том, как она потягивала между песнями коньяк или прикуривала сигарету — сначала для своего гитариста, а потом для себя.

На сцене «Б-2» Лидия Ланч могла рычать в микрофон «Дьявол — это женщина», тыкать

пальцем во всех присутствовавших в зале мужчин с криком «И этот — не тот мужчина. Все мужчины — не те». За всем этим ироническим и бравурным выступлением ощущалось некое высшее здоровье, полное и умудренное. Сегодня Лидия Ланч поет так, как могла бы петь Дженис Джоплин, если бы та не погибла от передозы и избежала бы общей для многих выживших рок-экстремалов

участи — ревностно соблюдать режим профессиональной жидвой легенды.

Тем же, кто не выжил, Лидия Ланч посвятила последнюю вещь своего московского выступления. Классический блюз «Gloomy Sunday» у нее превратился в произнесенный на одном дыхании речитатив, в котором горечь слов внезапно оказалась важнее, чем любые вокально-инструментальные доблести.

«Я что, похожа на покойника, который отмечает юбилей?»

ЛИДИЯ ЛАНЧ ответила на вопросы „Ъ“.

— Кем вы себя считаете прежде всего: писательницей, актрисой, певицей, художником?

— Я бы назвала себя профессионалом конфронтации. Музыка, перформанс, написанное или произнесенное слово — все это разные способы столкновения с миром, публикой, другим субъектом. Мне важна ситуация конфликта, ломки барьеров, которыми мы привыкли отгораживаться от экстремальных и темных сторон нашего бытия.

— Конфронтация, о которой вы говорите, имеет политический характер?

— Это не политический, а общегуманитарный конфликт. Конечно, я считаю себя феминисткой. Современный мир — это дре-

мучее феодальное общество, патриархат. Наш мир — это кукольный театр, где занитки дергают жадные до власти, надменные, агрессивные мужики. Отцы семейства, отцы нации, отцы церкви, даже боготец. Повсюду гребаные мужики. И вы видите, к какой деградации нашей цивилизации это привело. Нет, я не мужененавистница, у меня нет личных проблем с мужиками, я не люблю только власть имущих мужиков. Меня вообще больше бы устроил матриархат.

— Кого из современников или людей прошлого вы могли бы назвать вашими союзниками?

— Марселя Дюшана, который привнес в наше отношение к искусству и миру абсурд и чувство юмора. Эмму Голдман, американскую анархистку начала прошлого века.

Мэри О'Хара, начавшую атеистическое движение в Америке 1960-х годов. Афроамериканскую поэтессу Ванду Годман — она входила в тот же круг, что и Чарльз Буковски. В литературе это маркиз де Сад, Генри Миллер, Жан Жене и Хьюберт Селби. Мне близко то, как они трактовали сексуальность. Я прочла их годам к четырнадцати. Это мои литературные отцы.

— Ваш нынешний концерт заявлен как итог 25-летия творческой деятельности. Значит ли это, что вы больше не собираетесь выступать на сцене?

— Я что, похожа на покойника, который отмечает юбилей? Я вам обещаю еще по крайней мере 25 лет веселой жизни. Я собираюсь стать самой большой долгожительницей из всех женщин, когда-либо выступавших на сцене.

Лидия Ланч

13.03.05